

Я В С О И

Роберт Мандельштам

Родился в сентябре 1930 года в Ленинграде. Умер через 29 лет здесь же.

Жил с матерью, бабушкой, сестрой (сведной).

Когда началась война, учился в четвертом классе. Мать с годовалой сестренкой эвакуировались в Краснодарский край. Он оставался в Ленинграде с бабушкой. Здесь в двенадцать лет он изобрел бомбу и послал проект своего изобретения в Министерство обороны. Был сильно огорчен, узнав, что не изобрел ничего нового.

В 1945 году, изголодавшийся и оборванный, резанная мать в эвакуации. Намучился. В пути его кормили случайные люди. Спал на вокзалах. Долго не мог найти своих в незнакомом городе. Явился к матери истощенным. Голод и пережитки военных лет совсем подкосили его и без того слабое здоровье.

Мучеником он был с детских лет. В раннем детстве получил астму, позднее - туберкулез легких, в 21 год - костный туберкулез. Это только основные его заболевания. С годами мучений прибавлялось.

В Ленинград вернулся с матерью после окончания войны. Жил на Садовой улице. Бабушка умерла. Мать и сестра переехали на Заозерную, получив там комнату от завода. Он оказался предоставленным самому себе. Ему было семнадцать лет. Он уже был самобитным поэтом.

Учился в Университете на матемке. Был вынужден бросить из-за мучительных приступов астмы и других вечных своих недугов. Пытался снова поступать в вузы, но бросал всё по той же причине. Работать не мог. После того как заболел костным туберкулезом, получил инвалидность. Пенсия ему не дали. Кое-какие деньги присылал отец из Москвы, кое-что неохотно давала мать. В среднем его доход составлял тридцать рублей в месяц. Так он просуществовал одиннадцать лет. Умер от истощения и болезней.

Его друзьями были такие же как он ^(никому еще неизвестные) беспризорные, начинающие художники. Перриканиное, непризнаваемое, незамечаемое творческое поколение питерцев 50-х годов. Они учились у живопис-

си начала века. Их учителя находились не в чести. Были скупо, а то и совсем не представлены в экспозициях музеев. Они не имели возможности досконально ознакомиться с работами близких им по манере мастеров. Они держались замкнутым кругом. Ролью ^{арестив, Василии, Ивора, Курзимо - наиболее близкие ему из тех из которых он обучался} среди них единственным поэтом.

Так же как и они Рольд учился у искусства начала века. Его стихи близки по манере Гумилёву и Осипу Мандельштаму. Он любил Блока и, подобно Блоку, создал свой Петербург, свой "Интер-Петер- и Ленинград", свой урбанистический цикл. Он возродил традицию петербургской фантастики в нашей литературе, коснулся её традиционной тематики, её больших философских проблем.

Его эстетика делает его явлением уникальным, стоящим особо и одиноко в пятидесятые годы.

Он не задумывался о славе, не предлагал свои стихи по редакциям, не искал общения с признанными и знаменитыми. Он был известен лишь в своем кружке молодых художников, начинающих музыкантов и просто вольного люда с улицы, которым кивал его дом. "Мои друзья - герои мифов, бродяги, пьяницы и воры..." Его стихи бродили по городу, перепечатывались и читались нараспев студенчеством.

Он был общителен. Но не только поэтому в его небольшой комнате почти всегда пребывали самые разномастные посетители. Каждый, кто проходил, приносил с собой что-нибудь поесть. А это было для него, всегда голодного, немаловажным.

В общении был остроумным, язвительным, мелочным. "Хромой зубоскал" - это он о себе.

Был красив, окружен женщинами. Но любовь, муза, невеста бросила его за год до смерти больным и агонизирующим.

Он писал свои стихи по ночам. Злоупотребление стимуляторами привело его к наркомании.

Его самоубийственный стиль жизни, яростное самосжигание и без того недолговечного поэта закончилось ранней гибелью.

рукописи

После смерти его ~~рукописи~~ были тщательно собраны сестрой и не так уж внимательно относившейся к нему при жизни матерью. И долгие годы сохранялись ими, ~~важно~~ размножались, подбирались по циклам. Мать перепечатывала рукописные листки на машинке. Сестра сочиняла на его стихи музыку.

Многие из тех стихотворений, которые он дарил знакомым

написанными на клочках от руки, потеряны. Некоторые неожиданно
объявляются то там, то здесь.

Сохранилось много иллюстраций к стихам, сделанных его
друзьями-художниками (рисунки Р. Васми, Ш. Шварца; уже после
смерти его иллюстрировал М. Шенякин).

Ф. Косс

Четверостишия

Ни восторгов, ни крупных гадостей,
Только в ухе /в котором?/ - звон.
В веренице домов безрадостных
Удавился подушкой сон.

= =
=

Только кдем не вернутся ли птицы,
И сидим, розовея макушкой,
У окна - так сидят у бойницы
Вислозадые медные пушки.

= =
=

Мои друзья - герои мифов,
Бродяги, пьяницы и воры.
Моих молитв иероглифы
Пестрят похабщиной заборы.

= =
=

От лунного света,
Фонарного света -
Тени:

Волюты.
Спирали.
Тенета.

= =
=

Амфора

Былое люблю, как музейную вазу -
Канон произвола и нормы,
Но клей отнимает аттический разум
А глина - античные формы.

Эфес шпаги

Мощной фантазией линий
Вяжущий буйный металл,
О, Бенвенуто Челлини
Кто бы тебя не узнал!

Скарабей

Серебристая скоронись трещин
Повторяет классический сон:
- Колеснице, послушной, как женщина
Вверил тело своё фараон.

III
15

Я предан изысканной пытке
Бессмысленный чувствовать страх,
Подобно тоскующей скрипке
В чужих неумелых руках.

16

А где-то труба заиграла:
Стоит на ветру легион-
Друзья опускают забрала
В развернутой славе знамен.

17

Теряя последние силы,
Навстречу туманного дня...
- Восстаньте, деревья,
На видн-
Емстящее небо подняв!

18

На тихой, пустой "Канонерке"
Останусь, хромой зубоскал:
-Прощайте, прохожий Берсеркер!
-Прощайте, Неистовый Скальд!

= * =

Туман наворачивал лисы
 На лунный хиток фонарей...
 - Вы всё и ещё пишете Висы
 С уверенной силой зверей?

- Пишу /заскрипев как телега,
 Я плонул на потный асфальт/
 А он мне: - "Подальше от снега,
 ..... Неистовый Скальд!

Здесь, в ночи из вара и крема,
 Мучителен свет фонаря.
 На верфях готовы триремы-
 Летим в золотые моря!

Пускай их, /зловещие гномы!/
 Свой Новый творят Вавилон...
 /Как странно и страшно знакомы
 Обломки старинных колонн!/
 /

Затихли никчемные речи.
 /Кто знает источник причин!/
 Мы бросили взоры навстречу
 Огням неподвижных пучин.

Закат перестал кровоточить
 На темный гранит и чугун.
 В протяжном молчании ночи
 Незыблемость лунных лагун.

А звезды, что остро и больно
 Горят над горбами мостов, -
 Удут до утра колокольни
 На удочки медных крестов.

Песня легионеров

Тихо мурлычет
Луны самовар,
Ночь дымоходами стонет:
- Вар, возврати мне их!
- Вар, а Вар?
- Вар, отдай легионы!

-Нас приласкают вороны,
Выпьют глаза из голов! -
Молча поют легионы
Тихие песни без слов.

Коршуны мчат опахала,
И, соглашаясь прилечь,
Падают верные галлы,
Молкнет латинская речь.

Грузины, спят консуляры.
Здесь триумфатора нет!
- Вар!
- Не откликнуться Вару -
Кончился список побед.

Тихий мурлыка
Луны самовар!
Ночь дымоходами стонет:
- Вар, возврати мне их!
- Вар, а Вар?
- Вар! Отдай легионы!

= = =
=

=   =
=

Рожденный осенней клоакой,
Мерзавцем, не знающим чести,
Я схохну бродячей собакой
Под окнами бывшей невесты.

Весь день, невзирая на лето,
Она не откроет окошка,
Наверное, думая: это
Воняет убитая кошка.

Тогда-то душа, что скорбела
Позором своим втихомолку,
Вселится в точеное тело
Стремительно-легкого волка.

Где мхи, голубые, как утро
Из теплой земли вырастают,
Роса обольет перламутром
Нов быстроногуз стаю.

А городом темных бесчестий
Промчатся трусливые толки.
Хотя и гнушаются мести
Могучие гордые волки.

=   =
=

Ника

Мой конь узорной бронью скован
Давно томится у ворот,
И ждет, когда рожденный словом,
Мой мир по слову оживет.

В ту ночь — она черней вороны —
Луна издаст тоскливый стон,
Как медный щит центуриона,
Когда в него ударит слон.

И лунный свет зеленой льдиной,
Разбив о бронзу и чугун,
На каталаунской равнине
Воскреснет к бов старый гунн.

=   =
=

Друзьям

Когда умирает писатель,
То в небе его фолианты
Несут /трепещи, мой приятель!/
На суд знаменитого Данта.
Он - главный поверенный бога
В судьбе литераторов наших -
Сидит на небесном пороге
И списками грешников машет.

Про все наперед уже зная.
/ответчики здесь для проформы/
Апостольский суд соблюдает ~~Латинскую~~
Латинскую милую форму.

-А что говорят нам законы?
Винный да будет наказан!
И в ад, невзирая на стоны,
Повержен всевышним приказом.

Который теперь переделан,
Согласно мечте Алигьери -
Карая и душу и тело,
Попробуй в чертей не поверить!

Рогатый в почете и силе
С усмешкой, не чуждой печали,
Погрешности формы и стиля
Понизе спины отмечает.

Окончив прелюдию, мигом,
Поджарит на собственном сале,
Без дров /но не смейтесь!/- на книгах,
Которые вы написали.

А после достойной расправы -
Жаркое поставит в потемки,
Блистательных предков забавить,
На страх неразумным потомкам.

Ноктюрн

Он придет, мой противник неведомый -
Взвост яростный рог в тишине -
И швырнет, упоенный победами
Он перчатку кровавую мне.

Тьма вздохнет пламенеющей бездной -
Сердце дрогнет в щемящей тоске -
Но приму я перчатку железную
И надену свой черный доспех.

На каком-то откосе мы встретимся
В желтом сумраке знойных ночей
Разгорится под траурным месяцем
Обнаженное пламя мечей.

Разобьются щиты с тяжким грохотом,
Разлетятся осколки копья,
И безрадостным, каменным хохотом
Обозначится гибель моя.

= = =
=

Дом Гаршина

С камня на камень, с камня на камень
Крылья ночных фонарей...
Тихи и жутки, злобы и чутки
Темные пасти дверей...

Холод ступенек, пыль на перилах,
Стенка, решетка, пролет...
Смерть расплескала ночные чернила,
В пропасть тихонько зовет...

Здесь он стоял, в дледной улыбке,
Серой тоской изнемог-
Огненно-алый, злобный и гибкий,
Проклятый богом цветок.

.....

Красные листья перед рассветом
Дворники смыли со стен,
Спите спокойно, в смерти поэта
Нет никаких перемен...

Спи, не тревожась, сволочь людская -
Потный и сладенький ад!
Всякий философ, томно лаская
Нежный и розовый зад...

С камня на камень, с камня на камень
Стенка, решетка, пролет...
С камня на камень, с камня на камень
Ночь потихоньку плывет.

Эпитафия.

В.П. /И мне/

В жизни, блуждая по улицам снежным
С черепом, полным звучания строф,
Я согревала полумертвой надеждой
Каждую космических катастроф.

Те, от кого я не стал бы таиться,
Мне за любовь заплатили презрением.
Тот же, кто шел предо мною открыться
Гнусные вечно будил подозренья.

Жалок Шекспир!
Ну, чего он боится / - Гамлет -
Трагический Микроцефал.
Нет. Над вопросами датского принца
Я головы не ломал.

= = =
=

Алый трамвай.

Сон оборвался. Не кончен.
Хохот и каменный лай -
В звездную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай.

Пара пустых коридоров
МчитсЯ один за другим.
В каждом - двойник командора -
Холод гранитной ночи.

-Кто тут?
-Кондуктор могилы!
Молния взгляда черна,
Синее горло сдавила
Цепь золотого руна.

-Где я? /кондуктор хохочет/
Что это? Ад или рай?
- В звездную изморозь ночи-
Выброшен алый трамвай!

Кто остановит вагоны?
Нас закружило кольцо.
Мертвой чугунной вороной
Ветер ударил в лицо.

Лопнул, как медная бочка,
Неба пылающий край.
В звездную изморозь ночи
Бросился алый трамвай!

Колокольная ночь.

Так не крадутся воры-
Звонкий ступает конь!
В небо возносит город
Каменную ладонь.

Сдвинув сырые груди,
Крыши склонив ко сну:
Талая ночь, безлюдье,
В городе идут весну.

Вывинтив мясорубкой
В небо - распятый фиг,
Висельник в медной юбке
Темный хранил язык.

Колокол медным платьем
Томное брюхо крыл,
Славу своих собратьев -
В плеск голубиных крыл.

- Эй, рассыпайтесь, горы,
В гром колокольных бронь!
Так не крадутся воры-
Звонкий ступает конь.

=   =
=

= = =
=

Громадные, громко молчат небеса...
Восходит звезда за звездой.
Для рифмы, конечно, я придумал сам
Твой жалобный крик, козодой.

Но что не для рифмы! -
Оборванный сон,
Луны серповидный обрѣз,
Дворовый колодец - бетонный кессон,
Кессонная злая болезнь?

Монетой, блестящей в ночной синеве,
Серебряный очерк лица,
И - только для рифмы! -
на черной траве
Тяжелый живот мертвеца?

Идущие к дому, спешащие прочь,
Не надо на рифмы пенять:
На ваших кроватях костлявая ночь -
Матерая, потная б... дь!

Прощание Гектора

Ты для меня дорога,
Но не могу не уйти —
Дальние плачут рога,
Манят ночные пути.

Ярче тоскующих губ
Рано восток зазелел,
Бьются на радость врагу
Крылья моих каравелл,

Плачь, если можешь, о, плачь!
Слезы осушит заря...
Рано грозисься, палач!
Море когтят якоря.

Выпали кровью дожди.
Нет, не гляди за окно,
В долгие ночи не жди.
Нам победить не дано.

Воет томительный рог.
К бою готовы друзья.
Нету окольных дорог —
Жить побежденным нельзя!

Свет долгожданного дня
Вижу! Восторг не избыть.
Ленщина, прочь от меня!
Раб не умеет любить.

В память бывшего дара
Стадо, слуганок и дом...
Прочь от меня, говорю,
Мы никогда не придём!

=   =
=

Золотое руно

Я — варвар, рожденный в тоскующем завтра
Под небом, похожим на дамский зонг,
Но помню былые: плывут аргонавты,
Под килем рыдает взволнованный Понт

И мир околдованный песней Орфея,
Прозрачен до самого дна.
И дремлет, как сказочно-добрая фея,
Влюбленная в песнь колдуна.

И в час неизвестный на берег покаты
Любви приходили помочь,
Прекрасная, злая, больная Геката,
И чудная царская дочь.

.....

Усталое море спокойно и сонно,
Храпит на седых валунах, —
Так спи же: не будет второго Ясона,
Как нет золотого руна!

= * =

Себе на смерть

Когда я буду умирать,
Отмучен и испет,
К окошку станет прилетать
Серебряный корвет.

Он белобережным крылом
Закроет яркий свет
Когда я буду умирать,
Отмучен и испет.

Потом придет седая блядь -
Жизнь с гаденьким смежком -
Прощаться. Эй, корвет, стрелять!
Я с ней незнаком.

Могучим богом рухнет залп,
И старый капитан
Меня поднимет на штурмтрап,
Влетая в океан.

= =
=

Ветер навстречу рушится,
Ни огонька вдали,
Только над цирком кружится
Красное - "Ван-Ю-Ли".

Тьма отовсюду валится -
Скрыть от себя самой
Тухлую пасть Пекторалиса,
Пахнущую чумой.

А в облаках над городом
Красный дрожащий крик.
Вьвга взметает бороду
В надпись на небе: "Цирк".

= =
=

= =
=

Если луна, чуть жива,
Блекнет в раме оконной—
Утро плетет кружева—
Тени балконов.

Небо приходит ко мне,
Мысли его стрекозы,
Значит, цвести войне
Алой и Белой розы.

Значит, конец фонарям.
Что им грустить, качаясь,—
Льется на мир заря
Золотом крепкого чая.

= =
=

=   =
=

Скоро в небесные раны
Алая - хлынет заря.
Золото ночи - бураны
Хлопьями листьев горят.

Вижу: созвездия - кисти
Неба - победных знамен,
Слышу осенние листья,
Их металлический звон.

Бьёт листопад в барабаны,
Каждым листом говоря:
- Скоро в небесные раны
Алая хлынет заря!

=   =
=